

Архангельская А.С.

ПОИСК КРИТЕРИЕВ ПОДЛИННОЙ ДУХОВНОСТИ, ИЛИ НЕМНОГО О "ШИФРАХ МОЛЧАНИЯ" КАРЛА ЯСПЕРСА

Но прежде необходимо вкратце повторить пройденное. Итак, тогда, в первом для автора данного опыта исследования поиске путей приближения к сущности самого понятия, было предложено соотнести дефиниции "Одухотворенность" и "Духовность", как будто очень близкие по смыслу, но и отличающиеся прежде всего по признакам внешнего и внутреннего самовыявления. Нам важно было подчеркнуть имманентность процесса самосознания личности, напряженности ее внутренней жизни, которая внешне может быть почти и не обозначена. "Стертость" черт внешних самовыявлений духовности -- естественное следствие "невидимых миру слез" и радостей, сопровождающих процессы как формирования, так и самореализации личности. В то же время понятием "одухотворенность" мы обозначаем все виды уже осуществленной деятельности, несущие на себе печать и обаяние творческой индивидуальности. Человек, никогда не знавший ада сомоотчуждения, а тем более его преодолевающий, человек, реализующий свой творческий потенциал, обретающий свою самость - он одухотворен. Это невозможно скрыть или спрятать, ибо свет одухотворенности -- проникающ и очевиден. Не сомневаюсь, что могут возникнуть возражения и сомнения, и они не менее возможны по поводу предложенной нами классификации компонентов и критериев духовности. Но вряд ли вызовет возражение утверждение, что только через отношение к самым разным аспектам человеческого бытия, только через общение и деятельность можно выявить искомые проявления духовности, подлинной, а не мнимой.

Итак, **во-первых**, отношение к природе, к ее духовным ресурсам. Хорошо забытое старое, т.е. гармоническое миропонимание - как в традициях восточной, так и отечественной мудрости, возникает необходимость выработки нового экологического мировоззрения.

Здесь понятие "духовные ресурсы природы" -- как совокупность этических и эстетических аспектов общения человека и природы, неотделимых от традиций познавательных и аксиологических сторон этого общения.

Во-вторых, отношение к прошлому, к истории культуры, "вчувствование" в ее дух и самобытность, уважение и толерантность отношения к чужой культуре -- на основе диалога, а следовательно, преодоление максимализма монолога.

В-третьих, отношение к так называемым вечным вопросам. Степень напряженности поиска ответов на вечные, или, как принято называть, проклятые вопросы (смысл жизни, диалектика Добра и Зла, Любви и Долга и т.д.) -- один из высших и безошибочных показателей духовности как личности, так и искусства. Линия общности проблематики высокого искусства (а не ремесленничества) и философии проходит именно здесь -- в поиске ответов на проклятые вопросы бытия.

В-четвертых. Отношение к поэзии как составная часть эстетического отношения к миру вообще, а человеческому -- тем более. Потребность приобщения к красоте природы и человека, к чуду и таинству искусства -- потребность, являющаяся одним из несомненных признаков духовности.

В-пятых, отношения полов как проявление культуры чувств, культуры общения, а следовательно, и духовности, если этические и психологические аспекты этого общения выявляют совпадение системы ценностей.

Автору становится все более очевидным то обстоятельство, что в этом перечне не достаёт выделения еще как минимум двух отношений. Это, конечно, отношение к религии как к мировоззрению (а не к церкви, как особому учреждению). Итак, **в-шестых**, интерес к религиозной проблематике обостряет поиск психологических корней религиозного миропонимания, среди которых именно "тоска по нравственному идеалу" занимает не меньшее место, чем "страх смертный" и "жажда зрелищ".

К тому, что уже было сказано ранее, следует добавить критерии, неотделимые от подходов, утвердившихся в современной философии.

В связи с этим -- возрождение интереса не только к отечественной религиозной философии, но и особенно к восточной, а также тем течениям западной, которые, как персонализм, ставят проблему диалога человека и Бога, как постоянную необходимость "подзарядки" творческой активности личности. И в связи с этим следует отметить, что Карл Ясперс различал три способа, которыми человек встречается сущее: мир, экзистенция и трансценденция, а о последнем сказано достаточно определенно: "... нет ни одного истинного учения о Боге -- все они в равной мере есть лишь шифры"[2] трансценденции, ограниченные и несовершенные попытки выразить ее. В поисках своего "Я" мы, в сущности, пытаемся найти ключи к шифрам трансценденции, т.е., попросту говоря, обращаясь к произведениям мировой культуры, однажды испытываем настолько сильные потрясения, что "лишаемся дара речи", "немеем", не будучи в состоянии выразить его словами. По Ясперсу, этот момент -- "онемение", "молчание" -- и есть главный и наилучший признак встречи с трансценденцией. Здесь открывается возможность сопоставить подобное "молчание" с той степенью взволнованности, которую мы испытываем, соприкасаясь с чудом или таинством художественных шедевров прошлого.

Бескорыстное любование красотой, изяществом форм, игрой светотеней и красок, вслушивание в "музыку сфер", о которой еще Пифагор утверждал, что она доступна немногим, - ведь это происходит без слов, ибо если бы все можно было выразить в слове, зачем же тогда языки искусства - язык звуков, жестов, мимики, выражений глаз, язык красок, линий, пластики форм? Именно такую расшифровку "молчания" вряд ли имел в виду Ясперс, для него было важно подчеркнуть, что "интерпретация находит свою границу там, где кончается язык. Она совершается в молчании. Но эта граница сама существует благодаря языкам" [2]. Следует добавить, что речь здесь идет вовсе не об умалчивании (о чем-то, что я знаю и о чем мог бы сказать), а именно о молчании... пред трансценденцией, как бы замиранием на границе того, что может быть сказано, а *потому* это молчание наполнено смыслом, страстным стремлением вырваться за эту границу - туда (ввысь или вглубь), где происходит прикосновение к трансценденции - в знании о непознанном, о непостижимом. И тогда возвращаемся к мысли Ясперса о Боге, о котором, как он считал, можно сказать: "Бог есть", но ни слова сверх того..." Ведь слово "бог" неизбежно тянет за собой множество закрепившихся за ним антропоморфных в религиозных учениях значений.

Поэт Валерий Брюсов в одной из своих статей, в которой он сопоставляет возможности научного и художественного проникновения в глубь окружающего нас мира ("Ключи тайн", "Весы", 1904, N1), еще в начале века утверждал: "В то время, как все ломы науки, все теории общественной жизни не в состоянии разломать дверей и стен, замыкающих нас, искусство ... оно есть тот сезам, от которого эти двери растворяются сами" [3].

Отсюда, как неизбежность -- вытекает следующее, теперь уже **седьмое** отношение к философствованию, как к рефлексии, вернее - способности к самопознанию, самосознанию, к самооценке и самоиронии.

Здесь невозможно удержаться, дабы вновь не сослаться на Карла Ясперса, который свой труд мыслителя, как известно, называл не философией, а философствованием.

Философствование, по его мнению, подчеркивает насущную жизненность "экзистенциального высветления" проблем времени: только в философствовании "мы имеем шанс схватить наполненную бедственностью и заботой деятельность человека" [4]. Нам хотелось бы здесь сразу же подчеркнуть, что склонность и способность к философствованию, разумеется, могут быть не только на уровне обыденного сознания. В какой-то степени эта склонность "тонкими властительными связями" [3] и взаимодействует с Духовностью именно подлинной, а не мнимой. И тогда "философствование", как и философия по И. Канту, приносит с собой чувство мощи,

которое в известной мере "может возместить телесную слабость возраста разумным измерением ценности жизни".

Литература

1. Архангельская А.С. Духовность: критерии и компоненты // Диалектика и современный стиль мышления. - Севастополь, 1983.
2. Западная философия. Итоги 1000-летия (К. Ясперс, В. Блюннинг, Н. Гартман и др. Предисловие А.В. Перцева - "Врачующая философия К. Ясперса") - Екатеринбург - Бишкек, 1997.
3. Валерий Брюсов. Избранные стихотворения, М., ОГИЗ, 1945.
4. Философская энциклопедия. Т.V,- С.621